

ИВАН ЛЮБЕНКО

приговор

Клим Ардашев

Иван Любенко

Приговор

«Автор»

2017

Любенко И. И.

Приговор / И. И. Любенко — «Автор», 2017 — (Клим Ардашев)

После большевистского переворота 25 октября 1917 года статский советник Клим Пантелеевич Ардашев, руководитель Бюро контрразведки МИДа России, вместе с супругой и горничной уезжает в Ставрополь в надежде переждать смуту в тихом провинциальном городе. Однако в губернской столице происходят события, связавшие воедино Ставрополь, Лондон, Петроград, Москву, ставку Добровольческой армии и Новороссийск. Ардашеву удаётся распутать клубок загадочных происшествий и преодолеть все трудности на пути к добру и свету. «Приговор» – окончание романа «Тайна персидского обоза».

© Любенко И. И., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Часть первая. Секретная картотека	6
Глава 1. На перроне	6
Глава 2. В застенке	9
Глава 3. Красный самум	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Иван Любенко

Приговор

*Светлой памяти офицеров Петра и Павла Ртищевых, казнённых
большевиками на Ярмарочной площади в Ставрополе 27 июня 1918 года.*

Часть первая. Секретная картотека

Глава 1. На перроне

Иркутск, 29 марта 1917 года.

Утреннее марево стало понемногу расходиться. Снег, ещё не вывезенный с перрона и сложенный в большие прямоугольные кучи, от угольной пыли теперь казался серым, как тюремная стена.

Где-то далеко, почти у самого горизонта, на просветлённом небе тёмной кляксой вырисовывался дымный паровозный след. Поезд приближался и уже через несколько минут, сбросив скорость, медленно поравнялся с вокзалом и, издав последний вздох, замер. Из вагонов высыпались люди в арестантской одежде. Среди них был и невысокий, щуплого телосложения каторжанин. Он окинул взглядом вокзальные строения и почему-то сравнил их с шахматными фигурами. Расположенные по краям двухэтажные здания напоминали лады, а два шпиля на колоннах перед главным входом, сошли бы, пожалуй, за слонов; одноэтажный зал ожидания в шестнадцать окон, протянувшийся во всю длину, смахивал на стройный ряд пешек. Эту архитектурную идиллию портила лишь толпа людей, размахивающих красными флагами, с выведенными на них словами «Свобода» и «Демократия».

Всё происходящее казалось теперь каким-то нереальным сном.

Ещё месяц назад он отбывал наказание в тюрьме, именуемой Александровским централом. Опостылевшая за восемь лет заунывная песня с непритязательным мотивом всё сидела в голове и от неё, казалось, не было никакого избавления:

Далеко в стране Иркутской,
Между скал и крутых гор
Обнесен стеной высокой
Чисто выметенный двор.
На переднем на фасаде
Большая вывеска висит,
А на ней орёл двухглавый
Позолоченный блестит...
Это, парень, дом казенный –
Александровский централ.
А хозяин сему дому
Здесь и сроду не бывал...

Таких, как он, приговорённых к пожизненному ношению кандалов, из Александровской тюрьмы прибыло двести сорок четыре человека. Амнистия Временного правительства дала свободу не только политическим заключённым, но и уголовникам. Тут главное было правильно воспользоваться моментом. И многие своего шанса не упустили.

Сбившись в кучку, освобождённые с недоверием и опаской глядели, как их приветствуют те, кто скоро вновь станет их жертвами. Но это произойдёт позже, а пока прибывшие казались кроткими и невинными овечками, пострадавшими от полицейского и судейского произвола. На них смотрели с сочувствием. Члены Комитета помощи амнистированным выдавали каждому по ведомости деньги, снабжали одеждой, кормили и устраивали на ночлег. Те же, кто не хотел оставаться в Иркутске, могли проследовать дальше по железной дороге до самого места назначения в вагонах 2-го и 3-го классов совершенно бесплатно. Для этого нужно было лишь

зарегистрироваться и получить билет. Именно так он и решил поступить, а не оставаться в городе.

Неожиданно к нему подошла совсем юная барышня. От неё пахло весной – давно забытым запахом мимозы и тюльпанов. А может, это ему просто показалось? Ведь, начиная со своего ареста, – тогда, в уже далёком 1909 году – он не держал за руку ни одну женщину. Да что там! Даже женщин-арестанток он видел всего два или три раза. Голова начинала понемногу кружиться, и, чтобы не упасть, он на миг закрыл глаза.

– Вам плохо? – послышался беспокойный вопрос.

– Нет, напротив, хорошо, как никогда, – улыбнулся он и спросил: – Как вас зовут, сударыня?

– Елена, – вымолвила она почти шёпотом.

«Значит, мать её кличет Леночкой, Ленусей и, возможно, Алёнкой, – подумал он. – Если у меня будет, когда-нибудь дочь, я её так и назову. Очень ласковое имя».

– А чем, позвольте узнать, вы занимаетесь?

– Я окончила гимназию и хотела поступить на женские курсы, но партийная работа отнимает так много времени, что пока решила не торопиться.

«Господи, о чём она? о какой партийной работе говорит? Что они тут, на воле, совсем с ума сошли? Такой красавице надо детишек растить да суженого радовать ночами».

– А в какой же вы партии?

– В партии социалистов-революционеров. Но я придерживаюсь умеренного крыла, как и Александр Фёдорович.

– Кто, простите?

– Как? Разве вы не знаете? Ах да, – смутилась она и тут же пояснила, – Александр Фёдорович Керенский – новый министр юстиции.

– Кто бы мог подумать! – взмахнул руками он – Эсер и министр!

– А вы разве не социалист-революционер? А у меня отметка стоит, что вы политический узник и принадлежите к нашей партии.

– Так и есть. А удивляюсь я потому, что как-то странно получается: пока мы томились в застенках и гремели кандалами, другие уже верховодят. Разве это справедливо?

– Я не знаю, – девушка опустила глаза. – А вы давно в партии?

– Восемь лет...

– И с Марией Александровной Спиридоновой, верно, знакомы?

– Не без этого... так пару раз встречались.

– А вы не хотите выступить перед нашим активом? Я могла бы всё устроить.

– Простите, но для витийствований сейчас не лучшее время. Надо революцию защищать и не только в столице, но и в провинции. Потому и тороплюсь в Ставрополь, что на Кавказе.

– Хорошо, тогда пойдёте вас покормят. Тут внутри вокзала всё уже приготовлено, не ресторан, конечно, но ничего. Суп с мясом, картофель, компот из сухофруктов... А потом вам надобно получить в кассе билет до места назначения. Назовёте свою фамилию кассиру. И вот, – она вынула из сумочки несколько банкнот, – возьмите, пожалуйста, это от меня лично. А как получите билет, вам выдадут ещё небольшую сумму на дорожное питание от нашего Комитета. Деньгами распоряжается вон тот товарищ. Видите? – И она указала на человека в боярке и пальто с собольим воротником.

– Нет-нет, я не возьму, – замотал он головой. – Ни в коем случае!

– Берите-берите. Вам они нужнее. Нас всех ждёт упорная борьба с наследием самодержавия. И такие товарищи, как вы поведут нас, неопытную молодёжь, за собой. – Она улыбнулась прекрасной, слегка стеснительной улыбкой и сунула деньги ему в карман.

«Господи-господи, прости мне все мои прегрешения, прости высокомерие и жадность, похоть и пьянство. Избавь меня от греха смертоубийства и воровства... А хочешь – забери

у меня ещё десять лет жизни (я всё-таки, надеюсь, что после этого останется хоть год-два, правда?), но взамен подари любовь этой прекрасной нимфеи, этого чистого и неиспорченного создания, этого нежного цветка», – мысленно причитал он, дрожа, будто гимназист, впервые почувствовавший прикосновение обнажённого женского тела. Он впился глазами в черты юного лица и мысленно обнимал её плечи, руки, стан... Только Создатель остался глух к его молитве. Не обращая больше на него внимания, девушка развернулась и поспешила в сторону следующего, только что освободившегося, каторжанина с таким же блуждающим по перрону взглядом. «Ну что ж, раз Ты отверг меня, тогда я обращусь к Твоему заклятому врагу... И я уверен – Князь Тьмы услышит меня!».

Его рука сама опустилась в карман и, скомкав в нём только что подаренные ассигнации, выбросила их в грязную, пахнущую дёгтем лужу. «Ничего, обойдётся», – прохрипел он сквозь зубы и, едва передвигая ноги, будто скованные полупудовыми кандалами, поплёлся к вокзальным дверям.

Глава 2. В застенке

Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к «социальной революции» – на самом деле это путь к анархии, к гибели....

А.М. Горький, статья «К демократии», «Новая Жизнь» N 174, 7(20) ноября 1917 г.

Ставрополь, губернская тюрьма, 1918 год.

Вода собиралась на стенах большими серыми каплями, похожими на беременных пауков. Пробираясь между трещинами кирпичной кладки, она сбегала на грязный пол маленькими кривыми ручейками и образовывала лужу прямо посередине камеры. Июль выдался жаркий, и свежий воздух, попадавший через ржавую решётку, казался дыханием сатаны, призванным из Преисподней, чтобы задушить измученных, но ещё живых людей, обречённых на скорую и, если повезёт, не очень мучительную смерть.

– Почитай, два года прошло, как я сыскное отделение Каширину передал. В отставку вышел и думал, что все – про меня забудут. Промухал, конечно, место жительства в прошлом году не сменил... Знаете, ещё весной прошлого года некоторые горожане уже перестали со мной раскланиваться. «Революция! Свобода! Демократия!» А тут бывший полицейский навстречу. Ну и, понятно, отворачивались, точно от прокажённого... Но усадьбу бросать не хотелось. Цветочки, клумбы, даже прудик с карасями и лавочка под яблоней. Не жизнь, а мечта... Да вот только вырвали эти голодранцы у меня из груди эту распрекрасную жизнь. И за что? Бьют за что? За то, что я охранял покой их жён и детей? Оберегал от воров и грабителей? В этом моя вина? Нет, но я-то ладно – старый и сентиментальный дуралей. А вы? Неужто не могли за границу уехать? – с трудом шевеля разбитыми в кровь губами, спросил Поляничко, закашлялся и вновь стал отхаркиваться красной слизью в грязный носовой платок.

Ардашев молчал. Разговаривать совсем не хотелось. Он поднялся и, разминая затёкшие от долгого сидения ноги, подошёл к окну. «А и прав Ефим Андреевич, – невольно подумал статский советник. – Как это случилось, что я оказался здесь? Вроде бы было ясно и понятно, где зло, а где добро... Да только не думал я, что этого самого добра в России оказалось ничтожно мало».

Мысли перенесли Клима Пантелеевича на год назад.

Февральская революция 1917 года особенных перемен в жизнь чиновника по особым поручениям МИД России не принесла. Разве что поменялся министр иностранных дел да несколько его товарищей (заместителей). Но весь центральный аппарат остался прежним.

Уже третьего марта руководящие чиновники царского Министерства, не работавшего из-за революционных событий в Петрограде, получили указание явиться на службу к полудню следующего дня. Велено было облачиться в пиджаки, а не парадные мундиры. Четвёртого дня Милюков – новый министр, лидер конституционных демократов – произнёс напутственную речь и вступил в должность.

Ардашев принялся за временно оставленную работу сразу же после личной встречи с новым товарищем министра и старым другом – бароном Нольдэ, состоящим на службе в МИДе с 1899 года.

Надо сказать, что новый министр не стал ничего менять в своём ведомстве. А зачем чинить механизм, если он и так отменно работает? И всё опять пошло своим чередом. Лишь внешняя оболочка министерства претерпела незначительные изменения. Циркулярные телеграммы, направленные в загранпредставительства, предписывали удалить из наименования заграничных вывесок прилагательное «императорское», а так же «использовать временные

печати без герба и заготовить национальные флаги без герба». Было дозволено «надевать ведомственный мундир и ордена», но носить придворные мундиры строго воспрещалось.

Уже в марте-апреле Временное правительство признали союзные и нейтральные страны. Как раз в этот момент, 18 апреля, Милюков обратился к союзным державам с нотой-разъяснением политики Временного правительства на текущий момент. Именно этот документ и стал поводом к массовым демонстрациям, приведшим в итоге к апрельскому кризису. Народу, подстрекаемому Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, не нравился опубликованный в газетах текст о необходимости ведения мировой войны до окончательной победы. И правительство, чтобы не допустить роста волнений, вынуждено было подать в отставку. Кресло министра иностранных дел в коалиционном правительстве, куда вошли меньшевики и эсеры, занял крупный землевладелец и сахарозаводчик М.И.Терещенко, который ещё недавно являлся министром финансов.

Сразу же последовали новые назначения не только в руководстве МИДа, но и в его заграничных представительствах, хотя, по мнению Ардашева, эти изменения способствовали улучшению работы министерства. В частности, в сферу деятельности Правового департамента вошли дела, относящиеся к международной полиции, шпионажу и контршпионажу. Князь Мирский остался во главе отдела Ближнего Востока, а статский советник Ардашев был назначен руководителем Бюро для объединения деятельности различных органов Министерства иностранных дел по контрразведке. Кроме того, принимая во внимание служебный рапорт Ардашева, новый министр распорядился слить Шифровальное отделение и Цифирное (устанавливающее секретные ключи), образовав одно самостоятельное подразделение – Шифровальную часть.

Шла война. Большой удачей было получение последней многоуровневой схемы сетевых противолодочных заграждений в Дарданеллах и на Босфоре, устроенных турками ещё в 1915 году – сразу после того, как 25-го мая английская субмарина В-11 дошла до Константинополя и потопила стоявший на якоре германский пароход «Стамбул». Британцы тогда устроили бойню, пустив ко дну ещё канонерскую лодку и шесть транспортных немецких судов. Но теперь пройти по дну проливов было невозможно.

Работы у Клима Пантелеевича было невпроворот. Задерживаться в Бюро приходилось до полуночи. Домой доставлял служебный автомобиль.

Часто, проезжая по пустынным, будто вымершим улицам Петрограда, слышались выстрелы, и пьяная, сошедшая с кораблей матросня, пыталась остановить машину. Водитель давил на акселератор и «Форд», разрезая толпу, точно ледокол, уносился в тёмное чрево улицы. Всё изменилось двадцать пятого октября, когда в два часа десять минут министры Временного правительства были арестованы в Малахитовом зале Зимнего дворца.

На следующий день после большевистского переворота Ардашев приказал подчинённым уничтожить всю картотеку агентуры, включая и архивные материалы. За окном уже занимался рассвет, слышались винтовочные выстрелы и раздавалась пулемётная трескотня, когда в рабочем кабинете Ардашева отворилась дверь. На пороге стоял князь – бывший начальник статского советника. В руках он держал бутылку мартелевского коньяку и две рюмки. Окинув взглядом рабочий беспорядок, разведчик сказал:

– Вижу, вы управились... В комнате жарко. Печь раскалена, и дым ещё не выветрился, несмотря на открытую форточку.

– Что делать, что делать, – развёл руками Клим Пантелеевич. – Пришлось поторапливаться. Не ровен час, сюда заявятся господа-товарищи.

– С картотекой вы обошлись жестоко. А как быть, если эти данные вновь понадобятся?

– Не волнуйтесь, Иннокентий Всеволодович, сразу же восполним.

– Вы спрятали копии в надёжном месте?

– Надёжнее не бывает, – улыбнулся статский советник, дотронувшись пальцем до виска.

– Ах, да, простите! Совсем забыл про вашу феноменальную память.

Князь плюхнулся в кресло, поставил рюмки на стол и наполнил.

– Люблю этот запах, – с благоговением вымолвил гость. – Пахнет рождеством и домашним уютом.

– Боюсь, нам долго придётся жить воспоминаниями о сытой и относительно спокойной жизни, – усаживаясь напротив, заметил Ардашев.

– Думаете, Советы продержатся?

– Не знаю, но действуют они очень решительно.

Князь молча выпил рюмку, его примеру последовал и Клим Пантелеевич.

– А вы останетесь в столице или подадитесь на родину?

– Уеду в Ставрополь. Надеюсь переждать в провинции это смутное время.

– Собираетесь практиковать?

– Возможно... А вы?

– Закончу кой-какие дела и махну за границу. Не имею права рисковать жизнью четверых детей.

– И куда?

– Ещё не решил. Но, скорее всего, в Америку. Лучше уж я оттуда посмотрю на то, что здесь будет происходить. – Князь вновь наполнил рюмки. – А поедемте со мной, а? Вы же видите, что творится! Неужели не понимаете, что вас снесёт первая кровавая большевистская волна? Нашего брата не милуют и убивают тайно, без шума. – Мирский выпил коньяк и, достав из кармана серебряный портсигар с царским вензелем на крышке, закурил.

Ардашев сделал глоток и сказал:

– Всё так. Но съезжу в Ставрополь, на родительские могилы посмотрю, подожду немного. А за границу я всегда успею... К тому же, и дом там у меня... с беседкой... у самых Тифлиских ворот.

– Да о чём вы? О каком доме ведёте речь? О какой беседке? Надо себя спасать. Бросать всё к дьяволу и бежать... Вы же видите, какая кровавая заря занимается над страной! Чернь проснулась от векового сна. Пьянь, грязь, горе...

– Как бы там ни было, но это наш народ.

– А что такое народ? Вы называете народом это стадное большинство? Сегодня их Ленин увлёл, назвав воинскую доблесть – предательством, а грабежи – экспроприацией, а завтра ему на смену может прийти другой тиран. И все они, по крайней мере основная масса, пойдут за ним, отдавая в жертву своих детей, родителей, жён и мужей.

– Знаете, – усмехнулся Клим Пантелеевич, – ровно эти слова говорил мне один мой старый знакомый в Киеве в шестнадцатом году. Теперь он, как я слышал, начальник сыскного отделения в Ставрополе.

– Вот видите, два умных человека убеждают вас в одном и том же, а вы не хотите слушать, не верите нам.

– Ну почему же не верю? Всякое может случиться в смутное время, а если Россия переболеет этой красной заразой, как ребёнок корью, и всё наладится? Вы не допускаете такой вариант?

– Да не может ничего наладиться, дорогой мой Клим Пантелеевич! Не может! России вынесен приговор. И он, возможно, бессрочный. – Князь поднялся и заходил по комнате. – Посмотрите, кто захватил власть, и вам всё сразу станет ясно. – Он взмахнул руками. – Да что вы, ей-богу...

– Хорошо, допустим, вы правы. Но почему тогда не побороться с этой ордой? Нам ли с вами бояться? – Ардашев устремил на князя внимательный взгляд.

– А ради кого вы хотите проявить смелость? Ради тех, кто трясётся в своих квартирах и боится громко чихнуть? Они даже слезу не уронят, когда нас вздёрнут на виселице. Разве

что осудят, покачивая головами, мол, чего этим двум господам не хватало? Зачем высунулись? Сидели бы потихоньку, как все, и живы бы остались. Ан-нет, вылезли, покрасоваться захотелось.

– Мне, собственно, и терять нечего. Детей у меня нет.

– Да будет вам! – князь в сердцах махнул рукой и шагнул к двери, но вдруг обернулся и сказал: – Если передумаете – звоните. Уедем вместе. Пару недель я ещё буду в Петрограде. Помогу. Да хранит вас Бог. Честь имею.

– Честь имею...

А дальше события развивались с кинематографической быстротой. Чиновники Певческого моста¹, не желавшие сотрудничать с большевиками, были уволены приказом Народного комиссариата по иностранным делам уже шестнадцатого ноября. Ардашев, естественно, оказался среди них.

Петроград захлестнули погромы, аресты и обыски. По городу сновали грузовики с солдатами и матросами. Наступили чёрные зимние вечера. Холод и страх наполнили каждый дом, каждую квартиру. Жизнь сотен тысяч людей сузилась до простого желания обрести покой и найти еду.

Вскоре, двадцать четвёртого числа того же месяца, большевики издали декрет № 1 «О суде». Согласно этому документу, вся недавняя судебная система упразднялась, включая и адвокатуру. Петроградские присяжные поверенные и их помощники ещё пытались сопротивляться. В тот же день они созвали экстренное совещание под председательством Иосифа Гессена и приняли постановление, в котором отмечалось два основных момента: во-первых, все присутствующие признали, что декрет, как исходящий от организации, незаконно захватившей власть в стране, не имеет силу закона, а во-вторых, – члены адвокатуры должны продолжать свою работу до приостановления деятельности судов насильственным путём.

А двадцать восьмого ноября, в знак протеста против узурпации власти большевиками, адвокаты собирались устроить шествие к Учредительному собранию, однако так никто никуда и не пошёл. Не хватило смелости.

В это трудное время Ардашевы решили покинуть столицу и отправиться в Ставрополь.

На железной дороге теперь творился невообразимый хаос. Повсюду шныряли красные патрули, которые под предлогом проверки документов и поисков офицеров, занимались обычными грабежами. Поскольку путь пролегал через занятые большевиками районы, Клим Пантелеевич и Вероника Альбертовна взяли с собой минимум вещей, но всё равно жёлтый глобтроттер набился под завязку. Деньги и ценности пришлось зашивать в одежду и прятать в двух потайных отделениях чемодана.

Занимая место в обычном вагоне, статский советник услышал знакомый слегка скрипучий голос. Когда его обладатель, идя по проходу, поравнялся с Ардашевым, он от неожиданности замер.

– Клим Пантелеевич? Какими судьбами?

– Вероятно, теми же что и вы, Михаил Архипович.

– В Ставрополь?

– Да. А вы?

– Тоже.

– У нас пока одно место свободно. Прошу.

– Благодарю.

– Это моя супруга – Вероника Альбертовна.

– Очень приятно, – мужчина склонил голову в вежливом поклоне.

– Михаил Архипович Летов. Мой старый знакомый по Персии, – рекомендовал Ардашев.

¹ Певческий мост – так называли МИД по месту нахождения здания (прим. авт.).

– Вы тоже служили в МИДе? – спросила Вероника Альбертовна.

– Можно и так сказать, – улыбнулся тот.

– А вы, я смотрю, налегке.

– Взял только сумку с самым необходимым. А чемодан сдал в багаж. – Летов склонился к уху статского советника и прошептал: – Я соорудил в нём двойное дно. Там у меня парадная форма с наградами. Теперь, как видите, безопаснее путешествовать в статском платье.

– Это так, – вздохнул Клим Пантелеевич. – А в столице давно?

– Я почти окончил курсы Николаевской военной академии, когда случился этот переворот.

– Понятно. Но звание у вас, вероятно, не меньше войскового старшины? – тихо осведомился Ардашев.

– Угадали.

– А здесь не хотите остаться?

– Жить в Петрограде и спокойно смотреть, как обезумевшая толпа грабит и унижает народ, я больше не могу. Надо что-то предпринимать. На юге, говорят, генерал Корнилов собирает Добровольческую Армию. Вот я и решил наведаться в Ставрополь. Мать увижу, сестру, отдохну немного, а потом – на фронт, красных бить.

– В Персии ещё долго были?

– Нет. Уехал вскоре после вас.

– А вы себе не изменяете. Так и носите карманные часы на правой руке. Снимите. Они не подходят к вашей простой одежде.

– Вы правы, – расстёгивая кожаный ремешок, согласился Летов. – Не подумал.

– Документы надёжные?

– Да вот, полюбопытствуйте, – он протянул Ардашеву сложенный вдвое лист с печатями и подписями. – Купил на Мойке, у тамошних «делателей марок» за восемьдесят рублей. Называется «мандат». Согласно ему, я самый настоящий «товарищ». Выполняю решение их Центрального Комитета. Командирован в Ставропольскую губернию для выполнения мобилизационного плана.

– Что ж, неплохо исполнено, – статский советник вернул документ.

Раздался третий удар станционного колокола, и поезд, издав гудок, двинулся.

Дорога до Кавказской казалась бесконечно долгой. Состав шёл медленно, часами простаивал на станциях, но на третьи сутки, подрагивая на стрелках, достиг станции. Кто-то побежал за кипятком, а большинство, боясь встречи с пьяной солдатнёй, остались в вагоне.

В это самое время местный патруль решил поживиться чужим добром и под предлогом поимки офицеров, надумал устроить обыск в багажном отделении.

К радости ехавших с фронта дезертиров, а теперь бойцов Красной армии, в потаённом отделении чемодана Летова обнаружили парадный мундир войскового старшины с наградами. Пытаясь найти хозяина, большевики стали силой снимать рабочие куртки и пиджаки с подозрительных, как им казалось, гражданских лиц.

У одного «рабочего» под курткой и рубахой оказалась полевая офицерская гимнастерка с погонами и Георгиевским крестом на груди. Неуправляемая людская масса ревела от предвкушения расправы над капитаном.

– Господи, что же они с ними сделают? – в ужасе прошептала Вероника Альбертовна, глядя в вагонное окно.

– К сожалению, мы уже ничем не сможем ему помочь, – негромко выговорил Ардашев.

Один из дезертиров протянул руки к погонам и матерно выругавшись, заорал:

– Вот сейчас сорвём с тебя, паскуда офицерская, погоны и заставим сожрать, а не съешь – поставим к стенке.

Георгиевский кавалер спокойно отстранил протянутые к нему грязные руки солдата, медленно снял погоны, положил их в левый нагрудный карман, вынул из кобуры револьвер, приставил наган к своему виску и, глядя в расширенные от страха зрачки большевика, нажал на спуск. Раздался выстрел. Сраженный капитан рухнул на перрон. Забрызганная офицерской кровью мерзкая рожа красноармейца замерла в недоумении.

Вероника Альбертовна расплакалась и, глотая слёзы, вымолвила:

– Да что же это? Звери они, что ли? Ведь русские же люди, а сколько злобы, сколько ненависти... Откуда это у них?

– Успокойся, дорогая, прошу тебя, – Клим Пантелеевич обнял жену и привлёк к себе.

– Он погиб, не позволив до себя дотронуться. Человек чести, – тихо выговорил Летов.

– Пожалуй, нам лучше не ждать, а перейти на ставропольский поезд – предложил статский советник. – Они не успокоятся, пока не перетрясут всех пассажиров и не найдут казачьего офицера. Сколько им на это понадобится времени – неизвестно. Да и вам не стоит рисковать лишний раз. Даже несмотря на штатский маскарад, выправкой и усами вы слишком смахиваете на лихого казачьего офицера.

– Да, конечно. Надо выбираться из вагона.

Как выяснилось на станции, поезд на Ставрополь ожидали к вечеру следующего дня. Но удача не обманула ни Ардашевых, ни Летова: возница пароконного экипажа за хорошую плату согласился довезти троих человек до Ставрополя.

Сто пятьдесят вёрст – небольшое, в общем-то, расстояние – удалось преодолеть с трудом. Холодный ветер так и норовил сорвать брезентовый полог, а разразившийся ночью дождь до такой степени размыл дорогу, что колёса едва прокручивались, и лошади выбивались из сил. Вероника Альбертовна, не привыкшая вояжировать в таких спартанских условиях, измучилась до крайности. В Ставрополь коляска въехала в предрассветном утреннем тумане.

Летов распрощался с попутчиками у Тифлиских ворот. Пообещав на днях навеститься в гости, он забросил за спину сумку и пошёл пешком через мельницу на Ташлу, к дому матери.

Горничная, уехавшая в Ставрополь из Петрограда десятью днями раньше, заслышав шум в дверях, выскочила на порог. Увидев Веронику Альбертовну, Варвара запричитала:

– Наконец-то! Я жду, а вас всё нет и нет. И телеграмму не приносят. Думала случилось что... Время сейчас опасное.

Особняк на Николаевском проспекте встретил хозяев, как обычно, – теплом и уютом, а два питомца – Малыш и Лео – радостным мурлыканьем. Они приехали в Ставрополь вместе с Варварой и вновь освоили местные окрестности.

Для города 1917 год был относительно спокойным. В марте 1917 года ставропольский губернатор князь Сергей Дмитриевич Оболенский передал власть назначенцу Керенского – земскому начальнику Кухину, а тот – Губернскому Комиссару Старлюлычанову. По итогам выборов в Учредительное собрание почти девяносто процентов населения проголосовали за эсеров.

Всё стало меняться в худшую сторону в конце ноября, когда в город вошёл 112-й полк 39-й дивизии. С первых же дней солдаты кинулись грабить казённые винные склады на Преображенской площади и бесчинствовать. На улицах офицеров не жаловали, да и женщины боялись выходить из дому в тёмное время суток.

В полиции ныне командовали новые люди. Занявший место начальника сыскного отделения (почти сразу после возвращения из долгой киевской командировки) Антон Филаретович Каширин вынужден был покинуть свою должность. Теперь всем заправляла народная милиция из студентов и нотариусов. С грозным видом, надев красные повязки, они носились по улицам на автомобилях. Это продолжалось до тех пор, пока волна краж, грабежей и убийств не затопила город. Вот тут-то вновь и вспомнили о бывшем царском титулярном советнике,

грозе местных шниферов², громщиков³ и абротников⁴. Даже самые закоренелые варнаки⁵ боялись попадать «на беседу» к невысокому, толстому человеку с маленькими глазками-буравчиками. Никому было неизвестно, чем в итоге закончится такое свидание. Словом, сыскное отделение, называемое на новый манер «уголовной милицией», вновь заработало, и агенты, как и раньше, шныряли в поисках злоумышленников. Вместо приставов службу несли теперь участковые начальники, городских не было, старого полицмейстера сместили, а на его место назначили нового – начальника городской милиции. Видимый порядок потихоньку навели, и народ вздохнул с облегчением.

Правда, в губернской столице существовало двоевластие. С одной стороны – Комитет общественной безопасности, появившийся сразу после февральской революции, включавший в себя представителей кадетов, социал-демократов, эсеров, народных социалистов и беспартийных демократов, а с другой – Совет рабочих, солдатских, крестьянских и мещанских депутатов, в котором большевики заметной роли не играли. Их организацию в Ставрополе возглавлял бывший заведующий отделом статистики земской управы Александр Пономарёв.

Воспользовавшись растерянностью эсеров, большевики захватили редакцию газеты «Заря свободы». Редактором себя назначил исключённый из духовной семинарии Михаил Морозов, начавший призывать к насильственному захвату власти. Надвигалось вооружённое противостояние. Чтобы избежать ненужных жертв, Комиссар временного правительства Старолычанов предложил провести в губернской столице Народное собрание, которое и должно было определить какая власть будет в губернии. Заранее было ясно, что победит точка зрения эсеров. Стремясь не допустить такого развития событий, большевики объявили о созыве так называемого Крестьянского съезда с делегатами от сельских сходов, на которых первыми скрипками в оркестре были солдаты, склонные верить большевистским лозунгам.

Две сотни депутатов съехались в Ставрополь и 31 декабря 1917 года под стук винтовочных прикладов и радостные пьяные выкрики, провозгласили в губернии власть Советов. Вскоре образовали Губернский Исполнительный Комитет (Губисполком), а он в свою очередь, избрал совет народных комиссаров (Совнарком).

Только от всех этих новшеств на первых порах в тихой хлебной гавани мало что изменилось. Горожане, хотя и настороженно относившиеся к большевикам, всё же чувствовали себя достаточно спокойно. Новая власть, так называемого угнетённого пролетариата и беднейшего крестьянства всё ещё не находила отклика и поддержки среди населения. Да и откуда ему было взяться, если ни беднейшего крестьянства, ни угнетённого пролетариата в губернии не имелось. А до начала Великой войны в Ставрополе и нищих-то невозможно было отыскать, как и беспризорных детей.

В феврале 1918 года 112-й пехотный полк торжественно и под музыку отправился воевать под Ростов, но проявил себя плохо, за что командир полка был предан военно-революционному трибуналу. Зато солдаты «героически» отличились при разграблении мирного населения Ростова-на-Дону. Вернувшись в Ставрополь, красные вояки торговали всем подряд: от постельного белья, подушек и сыров, до бриллиантов и золотых украшений. Город вновь потонул в бесконечном пьяном кошмаре.

Но, как бы там ни было, а весна ощущалась повсюду. Её уже было слышно в шуме первого дождя и весёлом чирикании воробьёв, спрятавшихся в зелёных еловых ветках сада Ардашева. Рыжий соседский кот, загнанный Малышом и Лео сначала на берёзу, а потом и крышу

² Шнифер – (жарг.) взломщик нестораемых касс (прим. авт.).

³ Громщик – (жарг.), вор, который ворует из домов (прим. авт.).

⁴ Абротник – (жарг.) конокрад (прим. авт.).

⁵ Варнак – (жарг.) бесстрашный арестант, беглый (прим. авт.).

особняка, нагло смотрел сверху и расхаживал по тёплой железной кровле, взирая свысока на своих обидчиков и оглашая окрестности недовольным криком.

Внешне, казалось, что всё течёт по-прежнему. Клим Пантелеевич жил жизнью простого обывателя. Только тревожное чувство близкой беды никак не покидало статского советника. Он пытался отвлечься от дурных мыслей, садясь за продолжение начатого романа, и иногда эта уловка срабатывала. На несколько часов удавалось обмануть самого себя и хоть ненадолго забыться. Только длилось это не долго. Стоило открыть местные газеты, как идеалистическая картина пробуждения весны забывалась.

Эсеровское «Северокавказское слово» всё ещё клеймило большевиков за узурпацию власти и сепаратные переговоры с немцами. Заголовки говорили сами за себя: «Только Учредительное Собрание может спасти страну», «Священная война или похабный мир?», «Родина гибнет. Где выход?»...

Пономарёв руководил губернией, пока в город не прибыли на лечение семьдесят разубиистых матросов-сифилитиков из Севастополя. Но вместо лечения они принялись наводить в провинции свои порядки. Следом за ними появился посланец Троцкого, бывший жандармский ротмистр Александр Коппе, командированный из Петрограда для организации Красной армии вместе со своим сыном Коппе-младшим.

С этого момента всё изменилось. «Северокавказское слово» закрыли. Стали выходить большевистские «Власть труда» и «Известия». Пономарёв, сбив усы, ночью бежал из города. Власть полностью перешла к кучке столичных большевистских гастролёров, для которых и Ставрополь, и жители были чужими.

В считанные дни представитель Троцкого создал Большую Коллегию и, основную – Малую. В неё входили Ашихин, Промовендов, курсистка Вальяно, Кислов и, конечно же, он сам.

Между тем, после заключения Брестского мира с фронта в Ставрополь вернулось около девяти сотен офицеров Самурского полка и ударного Лысонского батальона, что очень беспокоило Коппе и матросов.

Ввели комендантский час.

Кто-то пустил слухи, что вот-вот начнутся массовые аресты и казни. Большинство горожан в это отказывались верить, потому что никаких предпосылок для репрессий не было. Тем не менее, в разговорах и поведении людей всё больше проявлялся страх и тревога. Выбраться из города без согласия коменданта Промовендова было невозможно. На столбах и афишных тумбах запестрели «Обязательные постановления Ставропольского Губернского Исполнительного Комитета и Объединённой Реквизиционной Комиссии и Штаба Красной армии», в которых предписывалось в оговоренные сроки и под страхом Ревтрибунала подавать сведения о наличии упряжи, лошадей, выездов и экипажей. Затем последовали Приказы о сдаче любого огнестрельного и холодного оружия, включая кортики и кинжалы. «Граждане Ставрополя!.. Ставропольский Штаб Рабоче-крестьянской Красной Армии объявляет, что все граждане, не имеющие от Комиссара по охране города на право хранения и ношения огнестрельного и холодного оружия, патронов, бомб и ручных гранат, должны получить разрешения к 22-му сего мая н.с. 1918 года, Штаб Красной Армии (Николаевский пр. д. аптеки Байгера)... Всем, у кого после 22-го мая н.с. 1918 года будет найдено оружие, бомбы, и т. п., зарегистрированные без разрешения, будут рассматриваться, как контрреволюционеры и предаваться суду Военного-Революционного трибунала».

Когда народ разоружили, в газетах напечатали объявление-приказ. Одна такая афишка висела на тумбе, как раз перед особняком Ардашева на Николаевском 38. Текст гласил: «Всем бывшим офицерам, проживающим в городе Ставрополе и уездах Ставропольской губернии, не позже, как к 1-му июля нового стиля подать в Учётный подотдел Ставропольского Штаба Губернской рабоче-крестьянской Красной Армии краткие записки о службе, в которых ука-

зять: 1) имя, отчество и фамилию, бывший чин, возраст. 2) образование: а) общее б) военное в) высшее военное и г) специальное (Артиллерийские школы наблюдателей и лётчиков и т. д.) 3) служебный ценз а) Последняя занимаемая должность по назначению, с какого и по какое число б) Какие занимал выборные должности в) В какую часть и когда выпущен офицер г) Служил ли непрерывно, а если с перерывом, то с какого и по какое время д) Какие должности занимал во время службы 4) Боевой ценз: а) С какого и по какое время он находился на фронте б) Какие должности занимал на фронте в) Последняя должность на фронте г) Был ли ранен, контужен или отравлен газами д) В каких организациях работал или работает или служит в настоящее время.

Кроме того, все бывшие офицеры, чиновники, врачи, юнкера и воспитанники кадетских корпусов, желающие выехать из города Ставрополя, обязаны являться в Учётный Подотдел Штаба красной Армии, где и будут учиняться надписи на их документах о неимении препятствий к выезду данного лица. Коменданту города Ставрополя без надписи Учётного Подотдела не выдавать пропусков на выезд из города. При перемене места жительства и адресов бывшие офицеры, чиновники, врачи, юнкера и воспитанники кадетских корпусов обязаны подавать в Учётный Подотдел Штаба памятные записки. Виновные в нарушении изложенных правил будут привлекаться к ответственности. За военного комиссара: Коппе. И.Д. Заведующего Учётным Подотделом: Мацегор».

Офицеры, скрепя сердце, но всё же стали являться к властям и регистрироваться.

Бывшего начальника сыскного отделения Антона Филаретовича Каширина, призванного вновь на помощь «народной милиции», без объяснения причин опять от обязанностей отстранили. Об этом он сам рассказал Ардашеву, сидя в его кабинете ещё в начале июня:

– А было так. Заходит ко мне этакий молодой хлыщ. Лет двадцать пять, не больше. Сапоги-бутылки, картуз со звездой, из-под него выбивается чёрный вихрастый чуб. Нос заостренный, крысиный. В очках. Папирску так и гоняет из одного уголка рта, в другой. Одет в кожаную тужурку. На боку кобура с наганом. «Всё! – говорит он мне, – Буржуазейная полицейская морда! Вали домой пока цел, но смотри: из города без дозволения комендатуры выезжать не имеешь права. Документы оставь. Я тут сам разберусь. Военно-революционная власть пришла. Уяснил?» – Я кивнул. – «Ну, если понял, так и пошёл вон!». – Ох и затрясло меня тогда. Думаю, а будь что будет. Застрелю эту псякрю паршивую! Рука сама вниз потянулась (за поясом у меня револьвер был припрятан). Но вдруг он спрашивает: – «А что, Каширин, не узнаешь меня? Забыл, сукин сын, как в восьмом году подзатыльники мне отвешивал, когда в участок вёл, а?» – А я смотрю и не могу вспомнить. Да мало ли кого я десять лет назад в участок водил? Я только головой качнул, мол, не признаю. Тут он папирску на пол выплюнул и заявляет гордо: – «Я Григорий Аветисов – внук домовладельца Ерофея Вахрушева». – И тут я вспомнил: это тот самый гадёныш-гимназист, в восьмом году деда своего отравил вместе с собакой. Помните, ещё Кургучёв про ваше расследование рассказ в «Северокавказском крае» написал? Если мне память не изменяет, он назывался «Роковая партия».

Ардашев кивнул.

– И вынесла же судьба этого душегуба на свет Божий!

– М-да, после бури первым делом на земле появляется мусор, – грустно заметил бывший присяжный поверенный и добавил: – А вам, Антон Филаретович, надо бы уехать из Ставрополя. Одному Богу известно, что новые хозяева тут учинить могут.

– А как уедешь-то? Они же посты на дорогах выставили. А комендатура мне такого разрешения на выезд не даст. Теперь у них в руках ключи от всего Господнего царства, вернее – от ада. Нет, подожду здесь, пока Шкуро город освободит. Говорят, бои идут уже в самой губернии. – Он поднял глаза на Ардашева. – Так и вам, Клим Пантелеевич, опасно здесь находиться. Красным успешные люди, как сор в глазу.

Тот разговор так ничем и не закончился. Каширин остался в Ставрополе. Время тянулось медленно, тягуче, как оконная замазка. На улицах раздавали бесплатно газету «Правда». В статье «Массовый террор», статский советник прочитал: «Поп, офицер, банкир, фабрикант, монах, купеческий сынок – всё равно. Ни ряса, ни мундир, ни диплом не могут им быть защитой. Никакой пощады белогвардейцам!». Теперь было совершенно ясно, что большевики переходят к кровавым и беспощадным репрессиям. Неожиданно для всех на афишных клумбах запестрели объявления схожего содержания: «Вчера во дворе губернской тюрьмы были казнены четырнадцать человек, чьи имена и преступления сообщаются здесь общественности. 1. Мещанин Иероним Павлович Егоров, из Ставрополя, за спекуляцию. 2. Белогвардейский шпион (якобы «учитель») Иосиф Ильич Славин, из села Безопасного, за шпионаж. 3. Контрреволюционер, бывший судья Окружного Суда Кострицкий Алексей Петрович, за удушение свободы во времена царского режима...».

И вот как-то рано утром в воскресенье, в светлый праздник Троицы, у дома № 38 по Николаевскому проспекту остановился чёрный «Форд». Ардашев стоял у окна, и автомобиль, реквизированный советодержавией у коммерсанта Иванова, узнал сразу.

Кроме водителя в авто был ещё один человек. Он вышел из машины, и теперь его можно было разглядеть. Незнакомец был в расстёгнутой тужурке, френче, зелёных офицерских бриджах, зелёных гамашах и коричневых ботинках на шнурках. Через несколько секунд послышался длинный зуммер электрического звонка, и сразу же второй – чуть короче. Затем третий... Так бесцеремонно никто Ардашеву не звонил. Варвара отворила дверь. На пороге возник человек лет сорока, в пенсне, с бритым смуглым лицом и совершенно лысый. Очевидно, он брил голову, чтобы скрыть свою плешь.

– Присяжный поверенный Ардашев дома? Позовите его? – тоном, не терпящим возражений, выговорил он.

– Сегодня Клим Пантелеевич не принимает. Назовите вашу фамилию, и я запишу вас на один из дней.

– Вы, дамочка, я вижу, не понимаете, с кем разговариваете? – повышая голос, возмутился высокий худой, бритый человек.

– Как я могу это понимать, если вы даже не сообразовали представиться, – спокойно ответила горничная.

– Начальство, милая, надо знать в лицо. Особенно сегодня. Это полезно для здоровья, – уже более спокойным и несколько даже игривым тоном, выговорил незнакомец. – Я есть самый главный начальник губернии. Зовут меня Коппе, Александр Фёдорович.

Как раз в этот момент появился Ардашев.

– Чем обязан? – сухо осведомился статский советник.

– Зачем же так официально, господин адвокат? Я ведь, заметьте, к вам самолично пожаловал, а мог бы и матросов прислать на грузовике. Разговор у меня к вам имеется.

– Что ж, прошу...

Уже в кабинете гость принялся внимательно осматривать библиотеку присяжного поверенного. Заметив на полке подшивку журналов «Вестник полиции» он воскликнул:

– Ага! Вижу, почитываете наш журнальчик!

– Простите?

– Это я о «Вестнике полиции». Я ведь в прошлом жандармский полковник. Но вот пересмотрел своё отношение к прежней власти, осудил царизм. Теперь возглавляю здешний Исполнительный Комитет.

– Насколько я знаю, ранее местным начальством был господин Пономарёв, – неуверенно выговорил Ардашев.

– Был да сплыл. Сбрил усы, сбежал через окно-с... Подал заявление о выходе из партии... Словом, этот ренегат хотел всех перехитрить. Но разве можно обмануть карающий меч

революции? Нет, конечно. Мои люди поймали его в Кисловодске и расстреляли. И поделом. Так что нет теперь господина Пономарёва, бывшего служащего отдела статистики.

Клим Пантелеевич указал на кресло, и Коппе сел напротив.

– Тут вот какое дело, – проведя ладонью по лысой голове, начал он. – Вы, наверняка, знаете, что в данный момент идёт реорганизация Окружного суда. Не один из прежних вершителей, так сказать, правосудия, нам не подходит. Да и как можно работать с теми, кто карал революционеров? – вымолвил он, но, поймав взглядом лёгкую ухмылку на лице Адашева, спросил: – Вы, верно, сейчас про меня подумали? Мол, сидит тут, разглагольствует, а сам когда-то царю-батюшке присягал и тоже всю эту революционную сволочь калёным железом выжигал, да? Ну признайтесь, подумали?

– Не без этого.

– Значит, угадал, – криво усмехнулся он, и на смуглом лице проступили морщины, отчего лицо стало похоже на смятый бумажный рубль. – Вижу, что вы честный и смелый человек. Не многие отважились бы мне сегодня, глядя в глаза, вот так прямо сказать, не многие. А я вам отвечу: да, я, действительно, не щадил анархистов-бомбистов, агитаторов и прочих, с кем сегодня иду в одной упряжке. Что же поделать, служба у меня была такая. Однако прошу заметить, свои ошибки я осознал и готов кровью доказать верность и преданность делу социалистической революции. А что ж до присяги, так император сам отрёкся от престола. Ему на смену пришло Временное правительство, которое и развалило страну. Генерал Корнилов сдуся, как пробитый снарядам цепеллин. Не смог моего тёзку Керенского вовремя к стенке поставить. А жаль. Но, слава Богу, большевики не оплошали. Вот за это я им благодарен. Знаете, мне всё равно, какая будет власть. Главное, чтобы Россия вновь обрела мощь и силу. И какая разница, как она будет называться? Советская Республика Россия, Российская Советская Республика или как-то по-другому? Не мне вам объяснять, что наш народ никогда не воспримет буржуазную демократию. Она для него губительна, как моль для шерсти, она растлевает общество, позволяет забыть об обязанностях, об уважении к государству. Крестьянину не свобода нужна, ему сейчас необходим мир, земля и хороший хозяин, который будет и за порядком следить, и за мужиком приглядывать, чтобы не баловал. Однако я отвлёкся, – гость потянул подбородок в сторону, будто воротник френча сдавливал ему шею. – Как вы, наверняка, знаете, в прошлом месяце мы разогнали Окружной суд. Из него были полностью изгнаны царские чиновники, видоизменён институт судебных следователей и присяжных поверенных. Вы, уважаемый Клим Пантелеевич, адвокат, в прошлом сотрудник МИДа, ваше прошлое почти безупречно. И мы бы хотели, чтобы вы пошли к нам на службу. Лучшей кандидатуры, чем вы на должность председателя Губернской коллегии Комиссариата юстиции не найти. Как вам моё предложение? Кстати, мы могли бы рассмотреть ваше желание вступить в партию большевиков. Я готов дать вам рекомендацию. Знаете, тут в провинции, трудно найти достойных и по-настоящему умных людей. Но мы-то с вами в высоких столичных кабинетах сживали, а это, согласитесь, совсем другой уровень ответственности, и, если хотите, репутации. Итак, что скажете?

– Видите ли, сударь, я, безусловно, польщён вашим вниманием к моей скромной персоне. Да-да, это не избитая банальная фраза, поверьте. В самом деле, я живу тихо и скромно. Я не лезу в политику и жду, пока всё утрясётся. Вероятно, в этом и есть моя основная ошибка. Фактически, в стране разгорается братоубийственная война. И её, надо признать, начали именно вы, большевики. Совершив кровавый переворот, вы разогнали Учредительное собрание. Да, Керенский оказался в одиночестве, но ведь он возглавлял первое в России демократическое правительство, и ему не хотелось вновь покрывать страну виселицами и военно-полевыми судами. Да что там рассуждать, надо называть вещи своими именами: я считаю для себя постыдным всякое сотрудничество с Красной армией и её властью. Но вы правы: при сегодняшнем беззаконии не составляло никакого труда, как вы изволили выразиться, прислать за мной грузовик с матросами.

– Ну что ж, – Коппе снял пенсне, протёр стёкла платком, потом вновь водрузил на переносицу, – смелости вам не занимать. А вот с благоразумием, вижу, явные проблемы. Получается, что вы – враг. И враг опасный. Иметь такого противника в тылу и не расправиться с ним – верх легкомыслия. Идёт гражданская война. Деникин пытается мешать нам строить светлое коммунистическое будущее. – Он пристально посмотрел на хозяина кабинета, помолчал немного и добавил: – Вы понимаете, что будь на моём месте любой другой человек, вы бы вот этими своими необдуманными словами подписали бы себе смертный приговор?

Ардашев молчал.

– И всё-таки я дам вам возможность подумать, но недолго – день-два или три. Точно не скажу. Посоветуйтесь с женой, а потом я вам позвоню. И от вашего ответа будет зависеть, кто за вами приедет: либо мой шофёр, либо грузовик с матросами. Третьего не дано. И ещё: Красной армии нужны деньги, чтобы платить бойцам революции. И потому на днях я наложу на город первую контрибуцию. Наиболее богатых горожан возьму в заложники. Если нужная сумма не поступит к сроку – расстреляю всех до одного. Вас в этой первой партии не будет. А дальше – посмотрим. Вы со мной откровенны, и я, как видите, тоже ничего от вас не скрываю.

– Раз уж мы заговорили открыто, то неужто вам, полковнику центрального аппарата политической полиции было неизвестно о тесном сотрудничестве германской разведки и большевиков? Про опломбированный германцами вагон с большевиками я и не говорю. Это факт общеизвестный. Но неужели вы не знали, что большевистское восстание третьего июля прошлого года в столице и наступление немцев на фронте были скоординированы германским Генштабом и произошли одновременно? Или что наши агенты в Стокгольме получили прокламации о начавшемся в Петрограде восстании большевиков, отпечатанные в Германии за десять дней до его действительного начала? Вам было неведомо, что большевиков к восстанию толкнули именно немцы, поскольку Болгария, Турция и Австрия, собирались заключить с Россией сепаратный мир (последняя начала активно зондировать возможность переговоров с Петроградом, как раз за две недели до октябрьского переворота)? Или вы не знали, что тридцатого октября прошлого года во время обороны Пулковских высот кронштадтскими матросами от войск Керенского-Краснова, их правый фланг полностью находился под командованием германских инструкторов, часть из которых, переодетых в штатское, потом попала в плен? А позорный Брестский мир? Разве всё вышеперечисленное не является ещё доказательством предательства тех, кому вы сейчас служите?

– Я не имел доступа к сведениям такого рода. Возможно, к вам в МИД они и просачивались. Но что там правда, а что нет? Кому это ведомо? Зато я знаю совершенно точно: власть, которая не в состоянии справиться с антивоенной агитацией не только на заводах, но и фронте ломаного гроша не стоит. Такую власть не поддерживать надо, а разрушать! Да я, если хотите знать, устал писать рапорта начальству об аресте членов Петроградского совета. И что вы думаете мне ответили? Вызвали и сказали, что сейчас время демократических свобод, представляете? Вот тогда я и решил перейти к большевикам. По своим каналам устроил встречу с самим Троцким. Лев Давыдович мне поверил, в партию рекомендовал – приняли без всяких проволочек. А на службе я подал в отставку. Скажите, а зачем я там нужен, если всё равно ничего нельзя? Ни арестовать, ни обыск провести? К чёрту такая работа. Однако я разоткровенничался с вами. Это понятно: в здешней провинциальной дыре не часто встречаются столичный жандармский полковник и чиновник МИДа по особым поручениям, да ещё и статский советник. – Он поднялся, и, одёргивая френч, сказал: – Мне пора.

Уже в передней, перед самой дверью, посланец Троцкого повернулся и обронил:

– Вы – единственный, кому я сделал столь щедрое предложение о совместной работе, а потом, выслушав контрреволюционную исповедь, закрыл на неё глаза. Я терплю всё это лишь благодаря вашим прошлым расследованиям. Они были блистательны. Я ведь много о вас читал в газетах, и даже восхищался вами. Помните заголовки? «Убийца французских ювелиров Дела-

винь пойман», «Тайна персидского обоза раскрыта», «Кровавый Зелимхан больше не страшен», а про петроградского маниака, убийцу модисток, уж и не говорю. Ловко вы его тогда поймали, да и супружница ваша не испугалась, вовремя на спусковой крючок нажала... Да были времена-с.

– Вы несколько преувеличиваете мои заслуги.

– Будет вам. Вы, и впрямь, обладаете исключительными способностями. Да, вот чуть не забыл уточнить: вы даёте слово, что не сбежите?

– Безусловно.

– Вот теперь я спокоен. До скорого свидания. А оно неизбежно.

– Честь имею.

Автомобиль, свистя шинами, уехал. Не успел Ардашев закрыть за гостем дверь, как в коридоре показалась супруга.

– Кто это был? – спросила она обеспокоенно.

– Так... один знакомый.

– Знакомый? Откуда? Я раньше его никогда не видела.

– Из Петрограда. Бывший жандармский полковник.

– А что ему нужно?

– Предлагал служить.

– Где?

– У красных.

– А ты?

– Естественно, отказался.

– Надеюсь, без пояснений, что тебе с большевиками не по пути, потому что они грабят и разваливают Россию? Ничего такого ты ему не говорил?

Ардашев молчал.

– Значит, сказал, – вздохнула Вероника Альбертовна. – И нам теперь недолго осталось, да? – она подняла на него глаза полные слёз и повторила: – Недолго?

– Он дал три дня на размышление.

– Три дня, а что потом? тебя повесят? расстреляют?

– Вероника, успокойся. Я что-нибудь придумаю. Из любого положения всегда можно найти выход. Но одно я знаю точно – тебе надобно срочно выехать из Ставрополя.

– Нет, Клим, даже слушать не хочу. Без тебя никуда не поеду.

– Это глупо. Поезжай вместе с Варварой. И чем скорее, тем лучше. Я тут сам как-нибудь справлюсь.

Дверь тихо скрипнула. На пороге появилась горничная.

– Простите, что без стука... Но, Вероника Альбертовна, вам, и правда, лучше уехать. Так будет спокойнее. На улицах ужас, что творится. Вчера у здания Окружного суда какой-то прохожий узнал бывшего городского – старика Степана Силантьевича Пospelова, переодетого в штатское. Вы, наверное, помните, он много лет стоял напротив губернаторского дома. Так пьяный красноармеец, проезжавший мимо на лошади, по фамилии Ашихин, двумя ударами пашки отсек ему голову. И солдатня, с местной шантрапой, пинали её ногами аж до самого губернаторского дома. И всё кричали, что «голова должна быть на своём посту». Никто этих иродов не остановил. Все попрятались... Бежать отсюда надо, Вероника Альбертовна, бежать, пока не поздно... Поедёмте в село, к моему дяде, в Надежду. Там, говорят, спокойнее. Переждём.... Сегодня на рынке бабы судачили, что есть такой белый полковник Шкура. Красные, страсть, как его боятся. Сказывают, он со своим отрядом у самого города в лесах обретаётся.

Вероника Альбертовна всё продолжала отказываться, но Ардашеву с Варварой всё-таки удалось её уговорить, и ночью она покинула Ставрополь вместе с горничной.

Статский советник остался один.

Электричество опять отключили. Он стоял у окна. На стекле отражалось оранжевое пламя горящей свечи. «Господи! – подумал Ардашев, – самое страшное, что это может продлиться долго. И не один год и не два, а десятилетия. И виноват во всём безобразии именно Николай II. За годы его правления хоть и возник средний класс, но остался неорганизованным, без какого-либо политического опыта, без собственной партии, без реального контакта с населением. Любое желание среднего класса участвовать в политической жизни страны решительно подавлялось. Политикой могла заниматься только царская бюрократия. Но вот рухнул трон, свалилась в пропасть бюрократия, и что мы видим? Средний класс, включая вернувшихся с фронта офицеров, находится в растерянности, не знает, как поступить и ждёт, пока что-то прояснится. Он не готов к борьбе, в отличие от большевиков, которые за годы подполья обзавелись собственной идеологией и программой, а с самого переворота двадцать пятого октября прибегли к силе и, бросив в толпу популистские лозунги, смогли опереться на самые широкие массы. Пройдёт ещё много лет, пока это самое население не одумается, не поймёт, что его, как сельскую девку на сеновале, сначала споили, потом надругались, а утром, под гогот солдатни и чекистов выгнали работать в поле... И куда она не денется. Будет не только выполнять все бандитские прихоти, но станет ещё и расхваливать своих обидчиков, уповая, что вся эта рабская покорность сохранит жизнь, пусть скотскую, но всё-таки жизнь. Только сия надежда, скорее всего, окажется полнейшим заблуждением. Пелена обмана слетит с глаз лишь тогда, когда послышится щелчок взводимого курка или затвора винтовки. Но даже смерть не избавит от страданий, потому что вслед за родителями мучениям могут подвергнуться их дети и внуки. Все они на годы вперёд окажутся вечными заложниками режима. Да и сколько будет потом этих режимов? Кто знает? Сейчас ленинский, потом ещё чей-то... Глядишь, и устроят большевистскую монархию... Российская история, как история любой другой страны, имеет приливы и отливы, но только в России отлив может наступить не через два-три года, а через два-три поколения. Неужто всё-таки прав был князь Мирский, сказав, что России вынесен бессрочный приговор?».

Размышления прервал негромкий стук в окно. Клим Пантелеевич отодвинул занавеску и увидел Летова, одетого, как обычный работяга – в кепке, косоворотке, парусиновых ботинках и серых брюках. Тот рукой подал знак, что хочет войти. Ардашев прошёл в переднюю и впустил гостя.

– Вы уж простите великодушно, что ночью к вам ворвался, но очень уж важное дело. Супругу, надеюсь, не разбудил?

– Только что отправил её вместе с горничной в Надежду.

– А вот это правильный шаг, – кивнул Летов.

– Да вы проходите на кухню, я сейчас чаю согрею. Плита ещё остыть не успела и чайник, надеюсь, тоже.

– Не стоит, Клим Пантелеевич, я к вам ненадолго, переговорим и уйду.

– Ну что ж, тогда пожалуйста в кабинет. Располагайтесь.

Летов упал в кресло и проговорил устало:

– На фронт, как вы понимаете, я добраться не смог. Все дороги перекрыты. Прячусь пока то у матери, то отсиживаюсь в подвале у знакомых. Всё надеялся, что вот-вот наши придут, но видно ждать больше нельзя. – Он провёл рукой по лицу, помолчал и сказал с горечью: – Вчера ночью красные убили гласного думы Чернова. Его долго пытали, а потом застрелили в Мамайском лесу. Та же участь постигла отставного генерала Мачканина, участника ещё Крымской кампании. Старика выволокли на Холодный родник и там, вырезав шашками погоны и лампасы, отсекали голову. Потом расправились с его сыном, отставным штабс-капитаном. Зарублены многие: старший советник губернского правления Барабаш, генерал-майор в отставке Акулов, генерал Росляков, полковник Никольский, офицеры Газиев, Яковлев и другие. Я назвал только тех, кого знал лично... А сколько других? Если вы заметили по городу

гоняют грузовики с матросами и солдатнёй, ошетилившиеся штыками. Этакie ежи с моторами. Убивают преимущественно военных. Просто так отсиживаться и ждать, когда придут за мной, я больше не могу. Лучше уж умереть в бою, как и положено офицеру.

– Да, пожалуй, другого выхода у нас с вами теперь уже нет, – согласился хозяин дома.

– Несколько дней назад встретился с братьями Ртицевыми, Петром и Павлом. Они, оказывается, давно готовят восстание. Я согласился принять в нём участие. На сегодняшний день нас обещают поддержать почти триста человек офицеров, гимназистов, студентов, а с рабочими литейного завода «Руднева и Шмидта» будет ещё больше. Им тоже осточертели эти пришлые матросы и солдаты. Через доверенного человека в ГУБ ЧК нам стало известно, что уже заготовлены списки новых жертв с адресами. Это сотни людей. – Войсковой старшина вынул из внутреннего кармана свёрнутый лист бумаги, раскрыл его и, передав статскому советнику, сказал: – Это только часть списка. Посмотрите, здесь на первой странице есть и вы.

– Действительно, – разглядывая список, усмехнулся Клим Пантелеевич. – Какая честь!.. Под «счастливой семёркой» фамилию написали. А когда начнётся эта Варфоломеевская ночь?

– Послезавтра, в десять пополудни. Во время комендантского часа. Поэтому мы должны выступить раньше. Наше восстание и назначено на послезавтра, двадцать седьмого июня, в два часа утра. Из села Петровского должен подойти большой отряд. Достигнута договорённость и с пленными австрийцами. А это ещё двести штыков. Все вместе мы должны справиться с большевистским гарнизоном. На данный момент он насчитывает около четырёхсот человек. Остальные – на Медвеженском фронте. Там идут тяжёлые бои с войсками генерала Деникина.

– А вы не пробовали связаться с отрядом Шкуро? Я слышал, он где-то неподалёку.

– Пытались, но безуспешно. Он в районе станицы Воровсколеской. На дорогах красные разъезды. Тринадцать наших офицеров пытались к нему пробиться, но были окружены красным отрядом. Многие погибли, но часть из них всё-таки смогла вырваться и ночью вернулась в Ставрополь.

– Я, как вы уже поняли, вас поддерживаю. Однако боюсь, что, даже захватив город, мы не сможем его удержать. Красные могут попросту вернуть с фронта один кавалеристский отряд и всё. Кстати, как у вас с оружием? А то ведь у меня, кроме моего старого друга браунинга, ничего другого и нет.

– Не густо, – вздохнул Летов. – В основном, личное оружие офицеров. Есть, конечно, и винтовки, но мало. Некоторые даже с охотничьими ружьями. Чекисты арестовали поручика Шишковского. Под пытками он показал тайник в Архиерейском лесу. Мы почти полностью лишились арсенала. Все, кого он знал, уже покинули дома и находятся на нелегальном положении. У них дома прошли обыски.

– Пулемётов, как я понимаю, у вас нет?

– Ни одного, – сказал он с сожалением. – Надеемся, они у нас появятся после захвата осетинских казарм. Успех зависит от внезапности и быстроты натиска.

– А где собираемся?

– Около Варваринской церкви, у дровяных складов.

– Я обязательно буду, если, конечно, раньше со мной ничего не случится.

Летов вскоре ушёл, а Клим Пантелеевич точно в воду глядел. Едва рассвело – перед окнами остановился знакомый автомобиль. Только вместо Коппе на пассажирском месте сидел совсем другой человек в чёрной кожаной тужурке, сапогах и затянут ремнями. На плечевом ремне – коробка маузера. На сборы он дал Ардашеву всего пять минут, но всё это время находился рядом, боясь, видимо, что тот сбежит.

«Форд» сорвался с места и, точно уходя от погони, помчался по Николаевскому проспекту. У штаба Красной армии автомобиль остановился. Часовой у входной двери вытянулся в струнку. Ардашева провели внутрь.

За зелёным сукном большого стола с массивным письменным прибором сидел Коппе и что-то писал. Глянув мельком на вошедших, он вновь обмакнул перо в чернильницу и продолжил своё занятие. Сопровождающий указал присяжному поверенному на стул и удалился.

В комнате повисла гнетущая тишина. Окно было открыто, и с улицы доносилось пение птиц, слышался шум проезжающих грузовиков и далёкий лай дворовой собаки. «Главковерх» наконец поставил точку. Достал папиросу и, чиркнув спичкой, закурил. Прозрачное облачко дыма поднялось к украшенному лепниной потолку. Запахло табаком. Глядя в упор на Ардашева, он сказал:

– А я думал, вы ударитесь в бега.

– Для этого я не обзавёлся необходимой обувью, – усмехнувшись, выговорил Ардашев.

– Вижу, вы не теряете чувство юмора даже в самые неприятные минуты. Это делает вам честь. Итак, вы приняли решение?

– Да. И оно вам известно.

– Очень жаль, но ничего не поделаешь. Это ваш выбор и довольно-таки смелый. Надеюсь, вы понимаете, что в таком случае домой вы уже не вернётесь. Я отправлю вас в камеру. Посидите, подумаете и, возможно, придёте к иному мнению.

– Что ж, в тюрьму так в тюрьму, – спокойно выговорил бывший присяжный поверенный.

– Не волнуйтесь, скучно вам не будет. Вчера мы арестовали бывшего начальника сыскной полиции Поляничко. Хотели ещё и господина Каширина к вам доставить для полного комплекта, но он сбежал. Успел и детей прихватить. Его дом пуст. Но ничего, далеко не уйдёт. – Коппе окинул бывшего адвоката оценивающим взглядом и сказал: – А вы, я вижу, даже узелка с собой не взяли. Сразу видно не сиделец. Что ж вы так, а?

Ардашев молчал. Красный хозяин губернии протянул ему лист бумаги и карандаш.

– Вот напишите супруге список из необходимых вещей. Мой человек отвезёт ей и передаст. И продукты вам не мешают. В тюрьме кормят плохо. Война, знаете ли. Не до сантиментов.

– В этом нет надобности.

– Как знаете. Моё дело предложить, а дальше уж вам решать.

Начальник губернии позвонил в колокольчик, и в дверях появился тот же молчаливый большевик в кожанке.

– Поместите господина Ардашева в губернскую тюрьму. Пусть сидит в камере с Поляничко. В отношении его дальнейшей судьбы я распоряжусь позднее.

Статский советник поднялся и в сопровождении конвоира покинул штаб Красной армии.

Итак, почти сутки, Ардашев и находился в тюремной камере № 38 по иронии судьбы, имевшей тот же номер, что и его дом на Николаевском проспекте. За это время он ни разу не притронулся к баланде. Трижды его выводили из камеры: дважды на opravку и один раз на прогулку в тюремный двор, где он встретил немало знакомых, среди которых оказался и художественный руководитель Ставропольского театра Гордеев-Зарецкий. Это был немолодой человек лет пятидесяти пяти, одетый во фрак и всё ещё белую рубашку, которая в районе воротника постепенно принимала серый цвет. Он рассказал, что во время антракта в зал ворвались красноармейцы и начали проверку документов. Некоторых зрителей они тут же арестовывали, других – отпускали. Увидев это, Гордеев-Зарецкий вышел к комиссару и попросил прекратить бесчинство и своеволие. Красный командир выслушал его молча, а потом приказал арестовать. Представление было сорвано. Актёры на сцену больше не вышли.

О том, что восстание офицеров началось, он понял ночью в среду, двадцать седьмого числа, когда послышалась перестрелка. Она доносилась из центра города. Сначала раздавались пистолетные и винтовочные выстрелы, потом застрочил пулемёт. Охранники бегали по коридорам, очевидно, решив выдвинуться на помощь гарнизону красных. Но ближе к рассвету стрельба стала раздаваться всё реже и реже, и часам к семи её уже не было слышно вовсе.

Вдруг скрипнул засов, и отворилась тяжёлая, обитая железом дверь. Возникла пьяная физия матроса в чёрной куртке и бескозырке. Чтобы удержаться на ногах, он упёрся руками в дверной проём. На левом боку у него висела шашка, на правом – деревянная кобура из ореха, характерная для маузера.

– Ну что буржуазы? Попили кровь? Хватит! Сегодня всех вас пустим в расход. Молитесь своему распроклятому боженьке.

Клим Пантелеевич молчал, но взгляда не отводил, разглядывая нового хозяина мира.

«Господи, – подумал он, – и откуда взялись на нашей земле эти дикие сатанинские орды? Где копились их полчища все предыдущие годы? И кто взрастил сей человеческий бурьян?».

– Ты смотри, как этот гад недобитый, zenки на меня таращит... Вот я тебе сейчас по пуле в них и вставлю, – прошипел матрос и стал шарить рукой по правому боку, где висела кобура.

– Не положено, – ответил надзиратель, протиснулся вперёд с винтовкой и закрыл собой арестантов.

– Что значит «не положено»?!

– А то и значит? Когда прикажут, тогда и прикончим.

– Так вот я тебе и приказываю: застрели эту белую вошь! А я добыю для верности.

– Все приказы я получаю от начальника тюрьмы, а он от коменданта Промовендова.

– Да причём здесь этот недоучившийся семинарист? Он же чокнутый! Говорят, папашка его при царе ходил по Николаевскому в спинжаке обвешанном бутафорскими орденами не только на груди, но даже и со спины. Приставал к прохожим и рекомендовался, как истинный губернатор. Не слышал, что ль? Запомни: не сегодня-завтра я займу место этого очкарика или вот стану начальником гарнизона, или главковоерхом вместо Коппе. А? Как ты тогда запоёшь? А ты рази не знаешь, кто я есть такой? Чего молчишь? Отвечай, когда спрашивают!

– Вы командир морского батальона.

– Ага «морского», – передразнил матрос, закрывая кобуру. – Эх, деревенщина беспорядочная! Я есть командир отдельного конно-горно-морского экспедиционного отряда товарищ Якшин. Понял?

– Так точно.

– Вот это другое дело! Ладно, пойдём в соседних камерах смертников смотреть.

Покачиваясь, он вышел в коридор, и дверь закрыли. Но не прошло и десяти минут, как вновь запищали петли и в застенок втокнули офицера средних лет. Лицо его было в крови, мундир изорван. Обуви на ногах не было. Держась за стену, незнакомец добрался до свободных нар, опустился на голые доски и прислонился к стене.

– Надеюсь, господа, это место свободно? – едва слышно, спросил он.

– Да-да, не беспокойтесь. Воды не хотите? – предложил статский советник.

– Буду признателен.

Ардашев протянул железную кружку. Тот взял её двумя руками и жадно выпил.

– Вам надобно умыться или хотя бы обтереться мокрым платком. У вас всё лицо в крови. – Клим Пантелеевич вновь зачерпнул в баке воду, смочил белый носовой платок и передал арестанту.

– Благодарю, господа. Позвольте представиться: штабс-капитан Керже, Пётр Иванович.

– Ардашев, Клим Пантелеевич. Теперь уже бывший статский советник МИДа, бывший присяжный поверенный Ставропольского Окружного суда. А это Ефим Андреевич Поляничко, начальник сыскного отделения в отставке.

– Не повезло с восстанием, зато попал в приличную компанию. И то хорошо, – горько усмехнулся штабс-капитан.

– Против большевиков подняли восстание? – привстав с нар, оживился Поляничко и тут же зашёлся кашлем.

– Да, но с самого начала оно было обречено на провал. Вместо четырёхсот участников в условленное место пришло меньше сотни. И притом десяток человек оказались без огнестрельного оружия. У кого шашка, у кого заточенный железный прут, а один вообще с кортиком... Офицеров большинство, но были и необстрелянные студенты и гимназисты. Пользуясь внезапностью, мы захватили четыре пулемёта в Осетинских казармах, но три из них оказались без замков. Рабочие, как и интернациональный батальон, нас предали и перешли на сторону красных. Пришлось разбиваться на отряды и отступать в разных направлениях. Я вот, как и многие, попал в плен к этим извергам. Его избежали лишь те, кто погиб в бою, или кому удалось спастись. Но последних – единицы.

– А про войскового старшину Летова ничего не слышали? – осведомился Ардашев.

– Как же! Был вместе с нами с самого начала, но потом, когда начался бой, я его потерял из виду.

В коридоре послышался шум. Это по камерам раздавали «чай». Открылось окошечко в двери, и Клим Пантелеевич принял целый чайник слегка подкрашенного кипятка. Настоящего чайного запаха не было и в помине.

– Что ж, господа, прошу, угощайтесь, пока не остыл. А то ведь скоро прогулка.

Статский советник разлил жидкость по кружкам. Все пили молча. Каждый был погружён в собственные мысли и, казалось, не замечал остальных. Вдруг на дворе закричали куры, которые ночью сидели по кустам. Послышался чей-то истошный крик. Потом выстрел. За ним ещё один и ещё. Затем ружейный залп. Штабс-капитан поставил табуретку и выглянул в окно.

– Господи, – пробормотал он.

– Что там? – осведомился Поляничко.

– Расстреляли несколько человек. Всё восставшие офицеры. Некоторых узнал: полковник Леплявкин, штабс-капитан Новиков, поручик Ерёменко, полковник Новроцкий, подпоручики Гельвиг и Говрилко, корнет Богословский и гимназист Руднев. Теперь трупы грузят на телегу, – негромко выговорил Керже и добавил упавшим голосом: – А потом придут и за мной.

Но штабс-капитан ошибся. О нём на время забыли.

Однажды утром неожиданно звякнул замок, отворилась дверь, и чей-то хриплый голос прокричал.

– Ардашев, на выход!

Глава 3. Красный самум

*Больше сносить нам нельзя
Этот кровавый гнёт!
Верьте же, верьте, друзья,
Утро победу несёт.*

*Если же смерть – всё равно!
В цепи страданий земных
Ты небольшое звено,
Вспыхнул, сгорел и погиб.*

**Леонид Пивоваров, участник офицерского восстания в Ставрополе
27.06.1918 г.⁶**

Все следующие дни после офицерского восстания в городе шли аресты, казни и, так называемые, контрибуции. Руководителей – братьев Ртищевых – красным удалось взять в плен под Татаркой. Их и ещё шестнадцать человек выдал Дербентскому полку, спешившему на помощь ставропольскому гарнизону, мельник. Все, кроме Ртищевых, были расстреляны на месте, а братьев, как главных заговорщиков, решили казнить показательно на Ярмарочной площади за Тифлисскими воротами.

Семья Ртищевых издавна принадлежала к старому купеческому роду и славилась не только богатством, но и меценатством. Павел Ртищев родился в Ставрополе. После окончания Тифлисского юнкерского училища служил в Симферополе. С первых дней войны отправился на фронт в качестве ротного командира. Был четырежды ранен. За храбрость получил офицерского Георгия. И в тридцать два года стал полковником. Его младший брат Пётр – поручик – три с половиной года провёл на передовых позициях и не раз рисковал жизнью. Когда начался развал армии, оба вернулись домой в солдатских шинелях. Вытерпеть издевательства большевиков над горожанами они не смогли и, получив благословение матери, подняли восстание. Их отец ушёл из жизни рано, но оставались жены, дети. Словом, до последнего времени это были счастливые, дружные семьи.

Варвара – горничная Ардашевых – по просьбе Вероники Альбертовны приехала в город, чтобы разузнать, как обстоят дела у Клима Пантелеевича. Но дома его не оказалось. Из сбивчивых рассказов соседской прислуги она узнала, что, как раз перед офицерским восстанием, бывшего присяжного увезли на автомобиле комиссары. Куда – этого не знал никто. Ведомая неясным тревожным чувством и надеясь хоть как-то прояснить судьбу хозяина дома № 38 на Николаевском проспекте, она пошла на расположенную неподалёку Ярмарочную площадь, куда стекался народ.

Ртищевых привезли на телеге. Они были избиты до неузнаваемости, разуты и едва держались на ногах. Раны кровоточили. Вокруг собралась огромная толпа. Мальчишки, чтобы лучше видеть, забрались на верхушки деревьев. Ташлянские босяки свистели, улюлюкали и выкрикивали оскорбления в адрес офицеров. Тут же стояли жёны приговорённых, игрались дети, не понимавшие, почему нельзя подойти к папам. Матери Ртищевых не было. Час казни от неё скрыли, чтобы не расстраивать.

⁶ Журнал «Донская волна», № 3, от 17-го Января 1919 года (прим. авт.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.